

N.Y.P.L. RESEARCH LIBRARIES

Шельменко.
Волостной писарь.

SLAV
№ 1
74-1811

Shelmenko,

ШЕЛМЕНКО

*On the back
Shelmenko.*

district clerk
ОСТНОЙ ПИСАРЬ,

Enid tones.

Sarenovatel.

КОМЕДИЯ

Saxony.

РЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

и т. д.

Grigori Fedorovich

ХАРЬКОВЪ.

Въ Университетской Типографіи

1831 года.

Slav. Reserve

74-157

Ky. 18

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаваніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва
Марта дня 1831 года.

Цензоръ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ГУБЕРНАТОРЪ.

ПОРОШКОВСКІЙ Членъ Врачебной Управы.

СЕКРЕТАРЬ.

ЧАРКОДУЕВЪ Повышчикъ. { рекрутскаго
1-й Писецъ. { присутствія.
2-й Писецъ.

ТРОФИМЫЧЪ Волостной голова.

ШЕЛЬМЕНКО Волостной писарь.

НИКИТА крестьянинъ.

СТЕПАНИДА мать его.

БУТЫЛОЧКИНЪ шрапширикъ.

СОФРОНЪ крестьянинъ.

Унтеръ - Офицеръ, солдаты, крестьяне,
крестьянки и слуги шрапшира.

Дѣйствіе въ Губернскомъ городѣ
во время рекрутскаго набора.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Просшая изба. Разсвѣшъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

НИКИТА съ цѣляхъ сидитъ у стола, на которомъ ломоть хлѣба, кружка и догорающая свѣта. У дверей Софронъ и крестьяне спятъ прислонясь къ стѣнкѣ, съ рукавъ дубины.

НИКИТА вздыхаетъ и по-молчалъ.

Вошъ ужъ и разсвѣшаетъ, а я и глазъ не смыкалъ! — Что то со мною будетъ? — Тоска нестерпимая! — Говорятъ люди, что только и живишь, что богатымъ; что имъ всё удаётся; что всѣ ихъ уважаютъ (схватываетъ цѣль.) Вошъ какъ уважаютъ! — За что на меня такая напасть? — Не придумаю. — Что я кому сдѣлалъ? — Эхъ! кабы я былъ одинокъ! Послужилъ бы Богу и Государю

вѣрой и правдою, со всѣмъ усердіемъ и охотою; — все свое имущество раздалъ бы бѣднымъ роднымъ и чужимъ Но мапушка! — На кого мнѣ ее покинуть? (*плачетъ*)..... Въ бѣдѣ найдущся и враги, и обиралы; доведутъ ее, мое сердечушко, до нищенской суммы! — А постигнетъ болѣзнь, въ спарости Кто ее присмотритъ? (*болѣе платитъ*) Кто ее успокоитъ? — Кто (*горько зарыдалъ*) кто закроетъ ей глаза? — О мапушка моя! — Родная моя! — Одну ты имѣла на свѣтѣ радость — и пой тебя лишили, и не дали несчастному сыну своему принять послѣдняго благословенія...

СОФРОНЪ *между тѣмъ про-
тивъшійся.*

А! — Ну что ты Микиша? — Знай, все плачешь? — Слезами ничево не поможешь. — Терпи!

НИКИТА.

Хорошо бы и терпѣть, да и на все идти кабы я одинъ былъ; — но какъ вспомню про родную, да подумаю: на какую горькую жизнь она остается, такъ вѣрнѣ ли? — Господи прости! — самъ бы на себя руки поднѣлъ! — Ты, Софронъ, чай былъ на сходкѣ; скажи мнѣ, Мироновичъ на милость: за что меня присудили въ опдачу? — Недоимка за мной не числится; общественная работа не стоишь; я одинъ опъ опца, дядья сами по себѣ

и служба за ними есть уже. За что меня приговорили?

СОФРОНЪ.

А кто тебя знаетъ! — На сходкѣ я не былъ; а знаешь за чѣмъ? за тѣмъ, што на тебя и сходки-та не было. — Тебя опдають пакъ — на чистю; пришла бумага — вопъ и всё пушъ. Кто тебя знаетъ, я не знаю.

НИКИТА.

Бумага? — Спало же отъ начальства? — А я родясь, кромѣ Капитанъ-Исправника, другаго Начальства и въ глаза не видалъ и въ городъ не бывалъ; дурныхъ дѣлъ и по слуху не знаю, не то что бы самому бездѣльничать. Покойной опець мой не на то меня граматы научалъ; что бы я спалъ не добрымъ и не годнымъ, а старался наставить меня на добрый пушъ.

СОФРОНЪ.

Ну вотъ вишь ли: какой тебѣ пушъ лучился, такъ и терпи. А объ матушкѣ не кручинься; ино дѣло кабы бѣдность, а то не бось: проживешь вѣкъ, да и не охнешь вспоминаячи тебя.

НИКИТА вздыхаетъ и молчитъ.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тѣже и ШЕЛЬМЕНКО въ тулукѣ и шалкѣ;
на плетахъ большой войлокъ. СОФРОНЪ тороп-
ливо разбуждаетъ крестьянъ, кои вскопчивъ, стано-
вятся у дверей съ дубинами.

ШЕЛЬМЕНКО снимая съ себя
войлокъ и протирая глаза.

О тай змерзнувъ же я цупко! — Але
ничого и не бачу. Тай и дрыжакивъ наився. —
А говъ! — Калавуръни! чы все у васъ справно?

СОФРОНЪ.

Да шпо? — Кажись всѣ цѣлы; и мы, и
некрушъ. Вошъ всѣ на глазахъ.

ШЕЛЬМЕНКО отдавая ему
войлокъ.

Возмыжъ опанчу, та заховай, тай гляды
якъ ока; а шо межъ москалями и не чуется
якъ спягнушь. А голова бувъ?

СОФРОНЪ.

Нѣтъ, не бываль еще.

ШЕЛЬМЕНКО.

Де винъ шамъ у гаспыда блукѣе! — Ще
щобъ не внявъ чого на пакиспъ. Видъ мо-
скала усюго спанецця. (Подошедъ къ задумав-
шемуся Еикитѣ, садится подлѣ его.) Здоровъ,

Мыкышо! — Чого бо ты журыся? Ошде
ще! — Гай, гай! не знашь що ты, голубчыку,
робышь! — Чого тагы плакашы?

НИКИТА.

Какъ мнѣ не плакать, Кондрашъ Те-
реншичъ?

ШЕЛЬМЕНКО.

Та тагы далеби що нѣчего. Нешы одынь
будешъ у служби. Слава тобі Господы! — Е
салдашивъ по всиму свиту тысячи чопыри,
колы и не билшь; не дадушь зажуришысь. —
Годи жъ годи; гляды веселенько. *(надѣваетъ на
него свою шалку.)* — Дывысь! який — будучы —
сь чорпа гарный москаль буде. Э! кынь лыхомъ
объ землю. Яжъ кажъ: пильки и спрашно
прохы, помы примиряють, та оглядають;
а дали якъ крыкнушь: — лобъ! такъ де
шай и хвабросъ возмеця. — Э! Мыкышо,
Мыкышо! — Ты есы дурень, не знаешь сво-
го щастя.

НИКИТА.

Какое, дядюшка, щастье?

ШЕЛЬМЕНКО.

Якъ якѣ? — Якъ надинушь на тебе —
будучы — мундѣръ, та позаципають усюды
гаплыкамы, та шее по — и сюды кыпыци
и шуды кыпыци, а шупъ — будучы ска-
зашъ — гудзыкы; такъ такий — спшало бытъ
— будешъ спрашый, що до тебе ни прим-

ступу. Та ще — будучы — може въ насъ на сели — шее шо — и на квартири сподячешъ; та якъ пидешъ по юдыци: шанка на тоби козацька, кыпыци шеляпающця, а — шее шо — шаблюка у бока шильки: брязъ, брязъ, брязъ! Або якъ выйдешъ на вечерныци, та якъ ушнешъ на шпорахъ гоцака, такъ — будучы — дивчапа уси за тобою; та знай крычатемунъ: москалю! Господа служывый! — А ты — будучы сказаць — на ныхъ и не дывысса, шилько — шее шо-покрыкуешъ: а шпю, та на шпю, та пайды геть собъ. — А якъ — будучы — прыйдешъ на квартиру, заразы и крычы: хазяйка! — давай-шаво-вечеряшь паскарыйча! А вона и пытаецця: а чого зволыше, господа москалю? а ты и прыказуй: будучы сказаць — курку звары, другу съ печи, яешню спряжи, та молошну кашу до перцю, та подавай гарьлякы-спа. — Опъ такъ шо, Мыкыпо, и ты — будучы сказаць и ты будешъ. Ащо? правда моя?

НИКИТА не слушал его.

Бѣдная моя мамушка! На кого она оспадешся?

ШЕЛЬМЕНКО.

Та объ паньмашци не тужи. Вже — спало, бышь — якъ намъ ин покынушы? — А — будучы — знаешъ шо, Мыкыпо? — Я тебе завсегда — шее шо — любовь мовъ брата риднесенького, шо якъ — будучы сказаць —

забрыюпть, шоби любъ, шо я однаково у васъ захожый, сыроша, ни башька, ни мащери; шо я — шее шо — возьму ии замйсь мащери и — будучы — вже въ неи и жыцему и глядйшему ии; а якъ — будучы — помрешъ, шо поховаю — спало бышь — нываче мищанку; девьяпть обидивъ справлю и — шее шо — усихъ спарцйвъ нагодую. Колы и шы вернесся, шо будемо жышы — гмь! якъ брапы; а колы — будучы — не вернесся, шо нехай Богъ бороныпъ, тебе вбьюпъ, шо я и тебе видпомынаю и шее-шо — и у грамошку запышу убыеннаго Мыкыпу. — Не журыся жъ брапику. — Бачъ! вже я съ тобою — будучы сказапъ — и побрапався. Не журыся; швоей мащери буде добре.

НИКИТА.

Все такъ, дядюшка; да шы не будешъ ей сыномъ!

ШЕЛЬМЕНКО.

Та далеби шо буду. Опъ ей! велике слово. Бачъ, ажъ — будучы — забожився. Яжъ шоби-спало бышь — кажу: шо якъ виддамо тебе, ша верну'ся до дому, шо такъ — будучы — у швою хашу мерщй и перейду, шай буду доглядяпы худобы и — будучы — и мащери швоеи. Будь же — шее шо — веселенькй. Та якъ — будучы сказапъ — приведупъ тебе у прыводъ, шо не дывысь спорчъ, якъ шеперь дывыся; а шакъ — шее шо — весе-

ленько, мовъ дивчата съ побою жаршуютъ. — Та ще слухай ось що: якъ стануть тебе у приводи судящи пыгаты, якъ тебе — будучы — зовуть, або що; то пы имъ кажи по пысьменному. Чы знаешъ, якъ по по пысьменному?

НИКИТА.

Я теперь и ничего не знаю.

ШЕЛЬМЕНКО.

Ось бачь: тебе зовуть Мыкытою, а пы по пысьменному кажи — будучы — Мыкыхвѣрь. Прозываеся пы козаче — тее по — Михайловъ, а по пысьменному треба нада — спало бытъ — Минийловъ.

НИКИТА.

Да я, дядюшка, нишуся Михайловъ. —

ШЕЛЬМЕНКО.

Эге! та що будешъ робыты, колы по справци такъ оказалось. Чы пы чытавъ — будучы — тее по ревызскіи сказки?

НИКИТА.

Нытъ, дядюшка, я шолько церковное чышаю.

ШЕЛЬМЕНКО.

А гражданське?

НИКИТА.

Только и читалъ что пущь ко спасенію.

ШЕЛЬМЕНКО.

А скоропысне ушнешъ?

НИКИТА.

Нѣтъ; не дошелъ до такой премудрости.

ШЕЛЬМЕНКО.

Такъ такый по ты бачу пысьмѣнный? —
(*сѣбѣтсѣ.*) Ге, ге, ге, ге! а бодай васъ вчѣлась! —
Дывыся жъ голубчыку: — шакъ щожъ по
мыни зъ невчѣнымъ и полковапы! — Ты мене
будучы — и не впорѣпаешъ, що я шоби
казашему. Слѣхай же якъ воно е: (*разводитъ
пальцами по столу.*) Ось оздечка Михайловъ,
а опшупечка Миняйловъ; шакъ опце — бу-
дучы — узявши видъ Михайлова и хиръ азъ
ха-ха-ій, шай прыпулыпы — шее по — до
Миняйлова; а видъ його вырвапы и нашъ азъ
на-на-ій, шай залапашы дирку — будучы — у
Михайлова. Чы розумно шоби? Ось шакъ усе
учени роблять: де имъ не до шыгы, шой
вырвуть, а де кинцивъ не зведуть, шакъ памъ-
чымъ попада лапашють. Такъ се вже слидо-
вапелъно — будучы сказаць — хошь до якого
хоть дяка пиды, по ты — шее по — Мыкы-
хвѣръ Миняйловъ; шакъ и видкыкайся, а то
якъ панамъ, ша не по пысьменному — спало-
быть — скажешъ, шѣ-по розсердяця, ша
ще гляды щобъ и не налаялы. Эге! зъ панамы
шакъ: я вже ихъ дѣже знаю. Тай гѣдивъ шоби
кажы — будучы сказаць — двадцять чопыри.